

оперативник центра "Э" Иван Решетов

07.07.2015, 03:21 Нижегородская область

РЕПОРТАЖ

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день двенадцатый

Вчера, 6 июня, на **процессе нижегородского анархиста**, обвиняемого по четырем статьям Уголовного кодекса ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 205 (приготовление к террористическому акту), ч. 1 ст. 222 (незаконное хранение, перевозка или ношение боеприпасов), ч. 1 ст. 223 УК РФ (незаконное изготовление боеприпасов) и ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 205.2 (покушение на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации, сторона защиты начала представлять свои доказательства. В ходе

**заседания выездной коллегией
Московского окружного военного суда были
допрошены два свидетеля — Валерий
Солнцев и Иван Решетов. Эти свидетели
изначально были заявлены обеими
сторонами процесса, но впоследствии
сторона обвинения отказалась от вызова
их в суд, однако защита настояла
на допросе Солнцева и Решетова
в судебном заседании.**

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Валерий Солнцев присутствовал в качестве понятого на обыске съемной квартиры, в которую переехал Илья Романов за две недели до происшествия со срабатыванием пиротехнического устройства у него в руках. Солнцев является жильцом квартиры этажом ниже, с подсудимым ранее знаком не был, и никакой заинтересованности в процессе не имеет.

Свидетель рассказал суду, что когда он по приглашению участкового поднялся в квартиру, где проходил обыск, для участия в качестве понятого, на лестничной площадке уже находилось около 20 человек сотрудников полиции — в форме и без. Во время самого обыска в помещении находилось 6 или 7 человек постоянно, а оставшиеся периодически приходили и уходили. Сам понятой во время обыска пару раз отлучался и уходил к себе домой на минут 15–20. Из всех изымаемых вещей он запомнил только

банку с белым порошком, которая на момент появления понятого в квартире была уже на полу, рядом с сумкой, а не в ней, как то утверждали дознаватель Анжелика Балакина-Кочеткова и начальник группы взрывотехников УФСБ Сергей Кирсанов. Кроме этой банки Солнцев ничего подозрительного не вспомнил. Далее свидетель рассказал, что после того, как были осмотрены большая открытая комната, туалет и ванная, нужно было обыскать еще две комнаты, но эти комнаты были заперты, и сотрудникам полиции пришлось ломать двери. Стоит отметить, что проведение осмотров этих двух комнат представляет одну из загадок данного уголовного дела. Сначала риелтор Олег Чижевский, допрошенный в судебном заседании в качестве свидетеля, поясняет суду, что подсудимый мог бывать лишь в одной комнате, потому что две другие были заперты, и когда Чижевский после проведенного сотрудниками полиции обыска посетил квартиру, комнаты также оставались запертыми. Потом дознаватель Балакина-Кочеткова заявляет, что эти две комнаты были итак открыты, а после этого в ходе судебного допроса взрывотехник ФСБ Кирсанов утверждал, что кто-то находил ключи от них, приносил их дознавательнице, а она сама открывала помещения.

Кроме этого, свидетель Солнцев пояснил суду, что на обыске присутствовал еще один понятой, однако он не участвовал в осмотре каких-либо помещений, кроме одной, большой комнаты — в других помещениях его попросту не было, а где он мог находиться, Солнцев не знал.

В ходе допроса Валерия Солнцева были выявлены значительные противоречия с его показаниями на предварительном следствии в ходе допроса 29 апреля 2014 года следователем УФСБ Кауркиным. На судебном заседании свидетель рассказал, что дверь квартиры уже была открыта к тому моменту, как он вместе с участковым поднялся на лестничную площадку. В протоколе же

допроса было зафиксировано, что дверь открывала дознаватель Балакина-Кочеткова ключом при нем. В судебном заседании свидетель говорил, что зашел вслед со взрывотехником и сотрудниками полиции и долгое время из квартиры не выходил. Однако на предварительном следствии он давал показания, что после того, как дознаватель, участковый и понятые вошли в квартиру, взрывотехник показал им банку с белым порошком, сообщил, что там, предположительно, находится взрывчатое вещество, показал пузырек с трубочкой в крышке, пояснив, что это взрывное устройство, и попросил удалиться в целях безопасности, пока он будет брать пробы и обезвреживать это устройство и вещества. Свидетель объяснил возникшие противоречия тем, что и на стадии предварительного следствия, и в судебном заседании он мог что-то упустить. Однако же признал свои первоначальные показания более соответствующими действительности, стоит отметить, не без определенной доли давления судебной коллегии. Суд посчитал, что противоречия устранены путем оглашения протокола допроса свидетеля на предварительном следствии.

Куда более интересен был допрос старшего лейтенанта полиции Ивана Решетова, оперуполномоченного Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД по Нижегородской области. Иван Решетов был в составе оперативно-следственной группы и осуществлял оперативное сопровождение уголовного дела в отношении Ильи Романова по ч. 1 ст. 222 УК до его соединения с делом о терроризме и передачи в следственный отдел УФСБ. Перед началом допроса свидетеля анархист категорически заявил, что у сотрудника ЦПЭ имеются основания для его оговора.

Как пояснил суду оперативник, сопровождение уголовного дела заключалось в «работе по своей линии, то есть выявлении и пресечении экстремистской деятельности».

Выявление и пресечение экстремистской деятельности заключалось, в основном, в том, что Решетов через Интернет искал информацию об Илье Романове в свободном доступе. Именно таким образом он и обнаружил в группе Радио РКАС Libertaire в социальной сети »ВКонтакте» аудиозапись программы «Диалоги» с Ильей Романовым, в котором анархист, по версии обвинения, озвучивает призывы к осуществлению террористической деятельности. Эту запись оперативник скопировал, потому что она его очень заинтересовала, ему показалось, что это важная информация по делу, раз там звучат призывы к молодежи.

Из показаний свидетеля Решетова стало известно, что с Ильей Романовым он познакомился в больнице 26 октября 2013 года, куда тот был госпитализирован с травмой руки после неудачного эксперимента с пиротехническим устройством. На обыске на съемной квартире Решетова не было, но присутствовал какой-то иной сотрудник из другого отдела ЦПЭ.

В своих показаниях Решетов пояснил, что он составлял рапорт на имя начальника отдела полиции № 5 об обнаружении адреса съемной квартиры, но эту информацию устанавливал не он сам, а другие сотрудники, потому что по этому эпизоду был задействован весь ЦПЭ.

Вопрос адвоката подсудимого Евгения Губина относительно знакомства Решетова и ключевой свидетельницы обвинения Светланой Волковой был снят судом.

Далее Решетов показал, что действительно вывозил Илью Романова по постановлению старшего дознавателя Балакиной-Кочетковой из СИЗО в Центр «Э» совместно с оперативниками Валерием Степаненко и Андреем Сдобняковым 6 декабря 2013 года. Как пояснил свидетель, целью допроса было выяснение связей

анархиста в Нижегородской области. На вопросы адвоката подсудимого Губина, почему потребовался именно вывоз в ЦПЭ и почему нельзя было провести эти мероприятия на территории СИЗО, оперативник пояснил, что «в СИЗО обстановка не располагающая», тогда как «Центре — комфортная». Сам допрос Решетов описал так: «Привели в кабинет, усадили в кресло, налили чаю. Начали общаться за жизнь». Однако по странному стечению обстоятельств Романов отказался подписывать какие-либо бумаги и фиксировать свои ответы в письменном виде. Перед тем, как отвезти анархиста назад в СИЗО, оперативный сотрудник Степаненко отвел Романова в кабинет к полковнику Алексею Трифонову, начальнику ЦПЭ, но с какой целью это было сделано, Решетов пояснить не смог. Он только сказал, что Романов сам был не против посетить кабинет Трифонова.

Решетов заявил, что никаких угроз Романову не высказывалось, никакого психологического давления не оказывалось, явки с повинной не требовали. Вся беседа происходила в спокойной атмосфере, и подсудимый даже не просил вызвать адвоката. Оперативник никаких материалов анархисту не показывал. Тогда адвокат подсудимого попросил свидетеля дать пояснения относительно жалобы Романова на действия сотрудников ЦПЭ, выразившихся в угрозах и оказании психологического давления. В этой жалобе отмечалось, что Решетов также показывал Романову распечатанные документы: листок с угрозами в адрес руководителей города и области и обложку брошюры «Арийский террор. Журнал по практической подготовке белых террористов», и требовал признания, что эти документы принадлежат ему. Данные документы были обнаружены на системном блоке, изъятом в ходе обыска в съемной квартире, принадлежавшем впоследствии повесившемуся в одном из нижегородских отделов полиции Сергею Ветошко. Сам

подсудимый категорически отрицает какую-либо свою причастность к их созданию или хранению.

По поводу жалобы Решетов заявил, что Романов его оговаривает. Суд попытался выяснить, на основании чего свидетель пришел к такому выводу. Решетов пояснил, что у них, сотрудников ЦПЭ, такая работа, что их постоянно оговаривают. Им приходится постоянно ездить в Следственный комитет и давать объяснения, потому что «Комитет против пыток постоянно жалобы подает». А жалоба в Комитет против пыток на ЦПЭ сразу привлекает внимание средств массовой информации. А для Романова — это PR, потому что у него есть высокая информационная поддержка. «Там, где упоминается ЦПЭ, сразу статус человека поднимается. Внимание оппозиции привлекается», — сделал вывод свидетель.

Прокурор Езерский стал выяснять, что значит «широкая информационная поддержка». Решетов пояснил, что достаточно много СМИ в Нижегородской области в частности и в России в целом выступает против действующей власти, против органов власти и дискредитирует власть. Различные организации, такие, как «Левый Фронт», начинают критиковать власть, выхватывать какую-то информацию из контекста, оставлять комментарии и распространять их, а «власть для них — жулики и воры». Даже создали сайт «База для люстрации», куда выкладывают фотографии сотрудников полиции и информацию о них (стоит отметить, что на этом сайте уже давно имеется страничка, посвященная **самому свидетелю**). Таким образом, все эти организации заручаются поддержкой. Романов же занимается «самопиаром», про него пишет масса изданий, и даже в «Википедии» есть про него информация. «Мало кто есть в «Википедии», а он там есть, как какой-нибудь известный писатель», — сказал оперативный сотрудник ЦПЭ. «Он блоггер, известная личность, которая раскручивает сама себя», — так подытожил Решетов свои показания.

В перерыве Илья Романов успел прокомментировать высказывания оперативника в ходе допроса. «Да, да, сам сказал: «Отведите меня к нему — я так давно наслышан об этом человеке», - с иронией высказался он по поводу утверждений Решетова о якобы добровольном посещении кабинета начальника ЦПЭ. И уже серьезно добавил: «А вообще его рука чувствуется во всем этом деле: будто он сам создал эти файлы». Анархист уверен в причастности сотрудников нижегородского ЦПЭ и самого начальника, Алексея Трифонова, к фабрикация улик по его уголовному делу.

Следующее заседание начнется сегодня, в 10.00, в Нижегородском областном суде. Планируются допросы специалиста Орловой, принимавшей участие в обысках по месту проживания Ильи Романова и в съемной квартире 26 октября 2013 года, взрывотехников УФСБ Шорохова и Винокурова, участвовавших в обыске на съемной квартире, и Усольцева, сторожа автостоянки неподалеку от Областного военкомата, рядом с которым и произошло срабатывание пиротехнического устройства.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело Ильи Романова

13 16